

Правильное толкованіе значенія слова „спортъ“.

Полемика о спортѣ, разгорѣвшаяся весною прошлаго года, казалась давно оконченной; высказано было обѣими сторонами болѣе или менѣе удачно почти все по этому поводу. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались объ этой полемикѣ многіе кавалеристы. Можно соглашаться съ той или другой стороной, а то, не соглашаясь ни съ кѣмъ, остаться при своемъ мнѣніи—отчего же нѣтъ? Но поднимать черезъ полгода наново старые вопросы, освѣщенные уже достаточно со всѣхъ сторонъ и подъ разными углами зрѣнія,—это по меньшей мѣрѣ странно. Одна изъ послѣднихъ статей по этому поводу, а именно возраженіе кн. Багратіона (Р. II. пр. г. № 178), прекратила уже разъ эту злосчастную полемику, грозившую принять слишкомъ обширные размѣры. Смѣю надѣяться, что настоящая замѣтка, въ которой я обращаюсь подъ конецъ къ помощи энциклопедическаго словаря, положить конецъ безцѣльнымъ спорамъ, происходящимъ главнымъ образомъ отъ невѣрнаго толкованія значенія слова «спортъ» и незнакомства съ его этимологіей.

Въ Военномъ Сборникѣ пр. г. № 12, г. Спорѣ въ статьѣ «Кавалерія и Спортъ» поднимаетъ все дѣло наново, какъ будто о

немъ не говорилось уже вдоволь, и задается, кромѣ того, цѣлью недостаточно объективнаго разбора высказаннаго мною въ прошломъ году въ Русскомъ Инвалидѣ въ циклѣ замѣтокъ, носящихъ заглавіе: «Вліяніе спорта на кавалерійское дѣло».

Я врагъ всякой полемики, въ особенности, когда она переходитъ границы объективности; не хотѣлъ бы повторять того, что я уже говорилъ или о чемъ писалъ неоднократно; не хотѣлось бы также при ссылкахъ упоминать фамиліи прежнихъ оппонентовъ или постороннихъ лицъ; но не могу не возражать автору, который чуть ли не потому, что, какъ онъ самъ говоритъ, его предложенія «не встрѣтили сочувствія въ средѣ нашей кавалеріи, и онъ нигдѣ не нашелъ ни малѣйшей поддержки», да еще развѣ оттого, что гг. Литовскій и Назаровъ, какъ онъ заявляетъ, «раскритиковали его статьи жестоко», вздумалъ сдѣлать меня какъ бы отвѣтственнымъ за всю нашу доблестную конницу и за упомянутыхъ двухъ критиковъ его литературныхъ трудовъ въ частности. Вѣдь не я же критиковалъ автора!

Мой оппонентъ говоритъ, что я признаю, повидимому, исключительно скаковой спортъ, конкуръ и парфорсную охоту. Нигдѣ я этого не утверждалъ и не знаю, откуда г. Спорѣ взялъ это. Выводя наружу отрицательныя качества многихъ ипподромныхъ ѣздоковъ, я тѣмъ не менѣе отдаю должное скачкѣ потому, что она испытываетъ лучше всего у коня и всадника крѣпость сердца и нервной системы, а отъ нихъ зависитъ работоспособность легкихъ, мускуловъ и всего организма. Если г. Спорѣ расходится въ этомъ отношеніи во мнѣніи съ Розенбергомъ, не признавая пользы скачекъ, то меня ничуть не удивляетъ, что онъ поддержки въ нашей кавалеріи найти не могъ. Кому же вѣрить: Розенбергу или г. Спорѣ? Я признаю тоже вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ выдающихся нашихъ и заграничныхъ кавалеристовъ громадную важность наилучшаго изъ конно-спортивныхъ упражненій, а именно парфорсной охоты. Я горячій сторонникъ игры въ поло, jeu de barre, ли-сичекъ и всякаго рода верхового спорта ¹⁾ (о немъ, вѣдь, здѣсь только и рѣчь), не исключая пробѣговъ (принималъ самъ 25 лѣтъ тому назадъ уже участіе въ цѣломъ рядѣ таковыхъ подъ руковод-

¹⁾ Я не врагъ и лыжнаго спорта, лишь бы онъ не отвлекалъ кавалериста отъ ѣзды. Если послѣдній ходитъ на лыжахъ ежедневно, не исключая праздниковъ, 5—6 часовъ (а иначе нельзя выучиться этой ходьбѣ), ѣздить же зимою 3/4 часа, то это *анормально*. Надо бы скорѣе наоборотъ.

ствомъ покойнаго ген. адъют. Струкова въ бытность его командиромъ бригады въ Варшавѣ), лишь бы рейдами не увлекались въ ущербъ остальному; что же касается конкурровъ, то авторъ сильно ошибается, такъ какъ люблю ихъ, каюсъ, не особенно, испытывая удовольствіе только тогда, когда ѣдутъ X, У или Z; но и они, т. е. конкуры полезны, ибо заставляютъ нашу молодежь садиться почаще верхомъ, даже въ праздникъ и въ свободное отъ занятій время. «Конкуристы» напрыгиваютъ своихъ коней, сами много прыгаютъ и т. д. Это очень полезно, лучше картъ, вина, общенія съ полусвѣтомъ, но можно быть, само собой разумѣется, и обратнаго мнѣнія.

Все это я высказывалъ на страницахъ военной печати въ теченіе больше, чѣмъ 25 лѣтъ, едва ли не сотни разъ и не могу жаловаться на то, что поддержки не находилъ. Если бы авторъ слѣдилъ за дѣломъ такъ внимательно, какъ онъ увѣряетъ, то не обвинялъ бы меня въ пристрастіи къ тремъ упоминаемымъ имъ видамъ спорта.

Перехожу къ тому, что г. Споре говоритъ о «новой посадкѣ» подрзумѣза ется, надо полагать, конкурная). Онъ высказываетъ желаніе, чтобы этою новою посадкою наша молодежь увлекалась, ставя мнѣ въ упрекъ, что я признаю ее вредною (прибавлю отъ себя: для смѣны нижнихъ чиновъ, сидящихъ на обремененныхъ огромнымъ вѣсомъ, уставшихъ лошадяхъ). «Кто доказалъ, что эта посадка ни къ чему и вредна?» восклицаетъ авторъ. Обстоятельный отвѣтъ на это г. Споре могъ бы найти на послѣднемъ столбцѣ моей статьи въ № 113 Русс. Инв., гдѣ говорится, что англичане на парфорсной охотѣ ѣздятъ уже 300—400 лѣтъ, держа корпусъ прямо, и приводится масса другихъ доказательствъ. Но оппонентъ мой или не читалъ этого мѣста или пробѣжалъ мою статью, надо полагать, наскоро. Въ его замѣткѣ, гдѣ онъ такъ горячо рекомендуетъ конкурную посадку, не разберешься, должна ли наша молодежь ѣздить такъ, вопреки уставу, всегда и вездѣ, или принимать эту новую посадку, какъ дѣлаютъ наши лучшіе спортсмены, только при конкурныхъ прыжкахъ. Противъ послѣдняго мнѣнія никто не сталъ бы возражать. Итакъ, если прочесть внимательно то, что говорится о новой посадкѣ со ссылками на брошюру о ней, казалось бы, что авторъ горячій сторонникъ ея; я готовъ сказать: пусть такъ! Онъ былъ бы не единственнымъ защитникомъ такого сидѣнія на лошади. Но нѣтъ же. Въ слѣдующей строчкѣ оппонентъ мой уже мѣняетъ совершенно мнѣніе, требуя, чтобы мо-

лодежь доказала сначала, что эта посадка вездѣ и всегда цѣлесообразна. Значитъ, онъ вдругъ самъ сильно сомнѣвается въ ея качествахъ, а мнѣ ставить это въ упрекъ. Гдѣ же тутъ послѣдовательность? Дальше совѣтуется для доказательства цѣлесообразности устраивать скачки по незнакомой мѣстности при соблюденіи этого способа сидѣнія на конѣ, но съ оружіемъ въ рукахъ. Тутъ г. Споре опять сильно расходится во мнѣніи съ авторитетами въ кавалерійскомъ дѣлѣ, которые, какъ напримѣръ де-Бракъ, предостерегаютъ отъ ѣзды съ вынутымъ оружіемъ, а совѣтуютъ вынимать его лишь за нѣсколько шаговъ до столкновенія съ врагомъ, дабы не охлаждать порыва, не обращать передъ шоккомъ кавалериста въ простаго манекена. Кому же, повторяю снова, будемъ вѣрить: моему оппоненту или Де-Браку?

«Къ какимъ спортсменамъ надо присматриваться?» спрашиваетъ меня тамъ же авторъ. Ко всѣмъ, отвѣчу. Такъ и сказано мной въ № 113 Рус. Инв.: «Берите отъ спорта все, что полезно, присматривайтесь къ спортсменамъ, пробуйте сами свои силы, но не утрируйте!» Авторъ говоритъ, что онъ этого не понимаетъ. Что же тутъ нецонятнаго? Тамъ цѣль одна, у насъ цѣль нѣсколькоиная, а нѣкоторое сходство въ работѣ есть несомнѣнно. Надо именно разобраться.

Прочитавъ мою статью въ Русск. Инв. пр. г. № 123, оппонентъ мой пришелъ къ заключенію, что спортсмены рѣшительно ничего не сдѣлали въ смыслѣ выучки солдата владѣнію конемъ въ одиночку. Да, надо согласиться, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи весьма немного, но не они одни въ этомъ виноваты: еще меньше сдѣлано неспортсменами. Я не вполне согласенъ съ опредѣленіемъ г. Споре причинъ этого зла и нахожу, что врядъ ли можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи что-нибудь серьезное, разъ всѣ наши уставы и наставленія не упоминали объ этомъ ни слова, и въ нихъ говорилось лишь о смѣнной (табунной) ѣздѣ, а владѣнія конемъ въ одиночку не требовалось. При пересмотрѣ ихъ слѣдовало бы обратить на это вниманіе.

Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что я въ № 123 «Русскаго Инвалида» прошлаго года обращаюсь къ спортсменамъ (которые больше возятся съ конемъ и знаютъ его лучше неспортсменовъ) съ намекомъ на то, что на ихъ обязанности лежитъ освѣженіе дѣла по выработкѣ въ такомъ именно одиночномъ духѣ коня и всадника. Мой оппонентъ находитъ, что слѣдовало обратиться не къ спортсменамъ, а ко всѣмъ строевымъ офицерамъ вообще. Отчего же

нѣтъ—можно и такъ. Дѣлаю это на страницахъ военной печати больше 25-ти лѣтъ. Авторъ врядъ ли слѣдитъ за кавалерійскою литературою, ибо онъ въ такомъ случаѣ пришелъ бы несомнѣнно къ заключенію, что его совѣтъ, хотя и хорошъ, но по отношенію ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, излишенъ, такъ какъ я исполняю это въ теченіе четверти вѣка и больше, а на этотъ разъ захотѣлъ, надѣясь на большій успѣхъ, обратиться къ однимъ спортсменамъ. Но въ общемъ тутъ въ сущности особеннаго разногласія у насъ съ г. Споре не выходитъ. Зато въ слѣдующихъ строчкахъ мы наталкиваемся прямо на курьезъ.

Авторъ утверждаетъ, на стр. 41, что спортсменъ думаетъ только о томъ, чтобы лошадь его не вышла изъ круга. Боже мой, какое это заблужденіе! Для того, чтобы не вводить въ такое заблужденіе читателей, я принужденъ разъяснить снова, въ чемъ заключается верховой спортъ и кто можетъ быть признанъ спортсменомъ. Ыздокъ на гладкой скачкѣ, стипльчезный ѣздокъ, парфорсный охотникъ, любитель охоты съ борзыми, игрокъ въ поло или конный мячъ, въ jeu de barge или jeu de rose, любитель лисичекъ, пробѣговъ и т. д., все это спортсмены, позволю себѣ замѣтить моему оппоненту. И всѣ они, значить, если вѣрить автору, только и думаютъ о томъ, какъ явствуется изъ стр. 41, чтобы лошадь не сошла съ круга! Тутъ г. Споре, очевидно, перепуталъ слово «спортсменъ» съ наименованіями «жокей» или «ѣздокъ на гладкой джентльменской скачкѣ». Только этотъ единственный видъ спортсмена или ѣздока пренебрегаетъ до нѣкоторой степени поворотливостью лошади, повиновеніемъ поводу безъ особеннаго усилія, не придаетъ значенія равновѣсію лошади и т. д., что автору должно бы быть извѣстно. Уже на стипльчезѣ приходится направлять коня на препятствія, мѣнять иногда направленіе по срединѣ ипподрома, а прочіе виды спорта требуютъ отъ лошади, кромѣ умѣнія ходить по скаковой дорожкѣ, большой поворотливости и многихъ качествъ самаго разнообразнаго характера. Это заявленіе автора есть не что иное, какъ большое заблужденіе или непростительная ошибка, недопустимая, разъ имѣется въ виду серьезная полемика и пытаются учить цѣлую корпорацию.

Дальнѣйшія разсужденія г. Споре о томъ, что зимой большая часть обученія происходитъ въ манежѣ и тамъ же должно происходить первоначальное обученіе солдатъ, вѣрны, но не представляютъ изъ себя ничего новаго.

Что касается заявленія о томъ, что изъ моей статьи въ № 150 «Русскаго Инвалида» «Облегченная рысь» не видно, что спортъ оказалъ въ этомъ отношеніи какое-либо вліяніе на строй, то это тоже неправильно. Правда, авторъ заявляетъ, что, когда онъ писалъ возраженіе, у него не было при себѣ номера газеты съ моей статьей, но это не можетъ служить въ серьезной полемикѣ оправданіемъ. Надо имѣть въ такихъ случаяхъ всегда подъ рукой номеръ газеты съ замѣткой, на которую собираются возражать, а достать его, право, не трудно.

Введенію облегченной рыси мы обязаны цѣликомъ спорту, какъ отмѣчено мною въ только что упомянутомъ номерѣ «Русскаго Инвалида», ибо она считалась для кавалериста половины прошлаго столѣтія прямо таки преступленіемъ. Развитіе скачекъ и вообще спорта, примѣнявшаго только эту рысь, а не манежную, заставило конницу опомниться, и она, т. е. облегченная рысь, какъ сказано мною въ томъ же номерѣ, вводится сначала приказомъ по кавалеріи 1875 г. № 12, а потомъ попадаетъ и въ уставъ 1886 г. Но долго еще, да и по сей день, допустимость ея неодинакова въ нашихъ кавалерійскихъ полкахъ: одинъ разрѣшаетъ ее только на маневрахъ, другой не допускаетъ эту ѣзду въ развернутомъ фронтѣ и т. д.

Настойчивости спортсменовъ мы обязаны, что этотъ способъ ѣзды все-таки завоевываетъ себѣ въ строю все больше и больше правъ гражданства. Можетъ быть, я о вліяніи спорта на этотъ способъ ѣзды и на перенятіе его строемъ сказалъ въ № 150 «Русскаго Инвалида» мало, но отрицать заслугу спорта въ этомъ отношеніи не могу, и его признаетъ вся кавалерія. Неимѣніе же при возраженіи мнѣ на мои доводы соответствующаго номера газеты производитъ странное впечатлѣніе.

Мой оппонентъ задается самъ подробнымъ разборомъ облегченной рыси, но туманность его доводовъ большая. Онъ говоритъ, что будто только въ послѣдніе годы начали требовать перемѣну ноги, подъ которую подымаются, между тѣмъ мнѣ извѣстно, что это требованіе высказывалось въ приказахъ со дня введенія этого способа ѣзды. Но это еще ничего. Туманность появляется въ полномъ объемѣ, когда мой оппонентъ спрашиваетъ на какую (внутреннюю или наружную) ногу слѣдуетъ опускаться, не объясняя имѣетъ ли онъ въ виду переднюю или заднюю ногу, точно лошадь обладаетъ одной парой ногъ? Если на внутреннюю заднюю, то, само собой разумѣется, что опусканіе будетъ имѣть одновремен-

но мѣсто на наружную переднюю и наоборотъ. Какую пару ногъ авторъ подразумѣваетъ, не угадаетъ ни профанъ, ни дока по конскому дѣлу. Итакъ, придѣлаемъ сначала нашему «бумажному коню» вторую пару ногъ, а потомъ будемъ спорить о томъ, правъ ли г. Споры или тотъ изъ его командировъ, который требовалъ подъема или опусканія подъ внутреннюю ногу.

Дальнѣйшее заявленіе о томъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, что большинство кавалерійскихъ предпріятій совершается массами, и будто поэтому надо мириться съ табунными наклонностями, просто непонятно. Во-первыхъ, что въ современныхъ войнахъ выйдутъ бороться не одиночные люди, а массы, объ этомъ мнѣнія одинаковы, а потому ничего новаго мы отъ г. Споры не узнаемъ. Во-вторыхъ, я прихожу къ обратному выводу: чѣмъ мой оппонентъ, а именно къ тому, что учить надо въ одиночку, ибо выученные дѣйствіямъ въ одиночку всадники и лошади очень быстро тягиваются въ хожденіе въ строю; наоборотъ, натасканные въ массахъ (исключительно табуннымъ способомъ обученія) кони оказываются очень часто абсолютно негодными для дѣйствій въ одиночку: подъ дозорнымъ, ординарцемъ, развѣдчикомъ, безъ которыхъ массахъ не обойтись; да и люди становятся беспомощными, когда отдѣлились отъ кучи, что еще вдобавокъ не всегда имъ удается.

Нѣсколько страннымъ кажется приравниваніе фразы одного изъ бывшихъ моихъ оппонентовъ, назвавшаго офицера-спортсмена жокеемъ и тренеромъ (что я нашелъ обиднымъ для перваго), моему невинному примѣру, въ которомъ рейдъ тихимъ аллюромъ сравнивается съ ѣздой комми-вожера добрыхъ старыхъ временъ. Вѣдь я никого комми-вожеромъ не называю, а слова «офицеръ» нѣтъ во всемъ столбцѣ. Смыслъ той фразы былъ иной и вполне ясный и опредѣленный, а отвѣта по этому поводу такъ я и не добился.

Затѣмъ г. Споры говоритъ, что я ставлю «въ кавалерійскомъ дѣлѣ» классныя скачки выше пробѣговъ. Позволю себѣ замѣтить автору, что въ кавалеріи или, какъ выражается оппонентъ, въ кавалерійскомъ дѣлѣ есть, правда, скачки, скачки военныя, гладкія и съ препятствіями, но «классныхъ скачекъ» въ кавалеріи нѣтъ. Я, по крайней мѣрѣ, первый разъ слышу объ этомъ, а потому высказать что-нибудь подобное не могъ. Тутъ, очевидно, встрѣчаемся съ неяснымъ представленіемъ о значеніи слова: «классная

скачка» и о терминѣ «классъ» въ этомъ примѣненіи даннаго слова. Если бы мой оппонентъ прочелъ болѣе внимательно мою статью въ № 146 «Русскаго Инвалида» за прошлый годъ, то онъ не смѣшалъ бы выраженій: «кавалерійское дѣло» и «классная скачка».

Авторъ проситъ меня затѣмъ указать ему примѣръ изъ военной исторіи, когда бы кавалеристу пришлось скакать полнымъ ходомъ 2¹/₂ версты по ровному, заранѣе извѣстному грунту. Такого примѣра нельзя привести, очевидно, да и не нужно, ибо 2¹/₂ версты по ровному, заранѣе извѣстному грунту—это не полевое (и еще менѣе военное) упражненіе, а «проба крови», испытаніе производителей, какъ объяснено мною въ № 146 «Русскаго Инвалида» за 1911 г. Нельзя также указать случая, когда бы пѣхотинцу пришлось проходить на войнѣ 200—300 шаговъ фронтомъ съ равненіемъ въ струнку, а это въ мирное время однако требуется. Оппонентъ мой не имѣлъ и тутъ подъ рукой, надо полагать, номера газеты съ моей статьей, когда писалъ свою замѣтку, иначе не ломился бы въ открытую дверь. Итакъ, гладкая скачка—это особый видъ спорта, что ничуть не мѣшаетъ ей быть тоже въ числѣ поучительныхъ для кавалериста упражненій, какъ ѣздѣ, требующей наивысшаго напряженія сердца и нервной системы, весьма точнаго знанія «пейса» не только своей лошади, но и коней соперниковъ и умѣлаго распредѣленія хода, чтобы конь не выдохся. Ни при какой другой ѣздѣ сердце и нервная система не подвергаются такому испытанію и нигдѣ нельзя лучше выучиться расчету хода.

Что касается не полного хода, а рѣзваго полевого галопа, близко подходящаго къ полному ходу, то за историческимъ примѣромъ недалеко ходить. Люди бригады Бредова въ 1870 году подъ Марсь-ля-Туромъ проскакали 7—8 верстъ въ оба конца, а въ будущей войнѣ, такъ какъ съ тѣхъ поръ дальность ружейнаго и артиллерійскаго огня увеличилась чуть не вдвое, такіе случаи и еще болѣе утомительные для сердца, нервовъ, легкихъ и мускуловъ коня и всадника будутъ, несомнѣнно, попадаться въ изобиліи. Не будь скачекъ, не было бы и полевого галопа, явившагося впервые на сцену, какъ систематическая подготовка коня къ скачкамъ, а отъ туда перекочевавшаго уже въ кавалерію.

Перехожу къ формулѣ mv^2 , къ которой г. Споре чувствуетъ нѣкоторое недовѣріе, ибо сомнѣвается въ справедливости мо-

его заявленія, что это mv^2 есть главный факторъ побѣды, говоря на стр. 45 слѣдующее:

«Наконецъ, г. Вольфъ говорить, что умѣніе развить наибольшее mv^2 есть главный факторъ побѣды надъ атакуемымъ врагомъ», т. е., что надо увеличить m —массѣ или вѣсу и v —скорости. «Какъ тогда понимать (говорить мой оппонентъ) стремленіе спортсменовъ уменьшать свой вѣсъ до минимума? Иногда они даже (продолжаетъ онъ) уменьшаютъ его до истощенія». И тутъ прибавляетъ, не безъ ироніи: «Что же, и здѣсь наши спортсмены идутъ въ разрѣзъ съ требованіями кавалерійскаго дѣла?»

На это приходится отвѣтить весьма обстоятельно, ибо заблужденіе автора тутъ полнѣйшее. Дѣло въ томъ, что mv^2 является главнымъ факторомъ побѣды «надъ живымъ врагомъ», а не на скачкѣ, что г. Споре упускаетъ изъ виду и что у меня сказано совершенно ясно: «надъ атакуемымъ врагомъ» — побѣды, выражающей въ налетѣ на врага съ полного хода (шокъ). Тутъ играютъ роль, кромѣ скорости, вѣсъ коня, отчасти и всадника. Говорить о томъ, что важнѣе, скорость или масса, и въ какой пропорціи онѣ входятъ въ составъ побѣды, завело бы насъ въ область механики и затагнуло бы дѣло. На скачкѣ или охотѣ мы имѣемъ совершенно инныя данныя, чѣмъ при атакѣ живого противника, о чемъ мой оппонентъ совершенно забылъ. Призъ или вѣтка выдаются тому, который первымъ прибылъ къ цѣли, а не тому, который; налетѣвъ во время финиша на фасадъ какого-нибудь дома что-ли, расшибся сильнѣе или основательнѣе другихъ, но повредилъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть и самый фасадъ. Если бы въ этомъ состояла цѣль состязанія, то возможно, что было бы для достиженія результата умѣстно и не сбавлять, собственнаго вѣса; наоборотъ, увеличивать его, а не скорость обратно пропорціональную вѣсу всадника, какъ всѣмъ извѣстно. Иронія автора по поводу вѣрности этой формулы и ея примѣненія мнѣ просто непонятна. Въ серьезномъ литературномъ трудѣ нельзя не считаться съ законами механики, съ аксіомами. Нельзя точно также смѣшивать подхода къ призовому столбу на скачкѣ съ кавалерійскимъ шокомъ: это двѣ совершенно различныя вещи. Какъ авторъ не принялъ этого во вниманіе?

Хочу теперь выяснитъ серьезное недоразумѣніе, происходящее отъ непониманія г. Споре и моими прежними оппонентами самаго термина спортъ.

Они хотять дѣлать 20-ти верстные рейды, пробѣги цѣлыми частями въ видѣ состязаній на призы, но съ развѣдками, писаніемъ донесеній, черченіемъ кроки, взрываніемъ мостовъ, обстрѣливаніемъ позицій и т. д., именуя чисто служебное дѣло спортомъ, противъ чего я возставалъ и возстаю по нынѣшній день, ибо это парадоксъ.

Все упомянутое очень важно и полезно, но это обыкновенная служба, господа, а не спортъ, какъ постараюсь доказать наглядно всѣмъ и каждому, прибѣгая къ помощи энциклопедическаго словаря.

Если всѣ эти упражненія дѣлать, какъ слѣдуетъ, хотя и примѣрно, но поучительно, то надо уяснить себѣ, что толковая развѣдка и написаніе о ней нижнимъ чиномъ донесенія потребуеть не менѣе часа, а иногда и значительно больше ²⁾: это надо вычесть изъ общей скорости пробѣга. Взрывъ порядочнаго моста (а стараго гнилого не стоитъ учить взрывать даже примѣрно: лучше повалить его ударомъ топора) потребуеть составленія большаго заряда, даже нѣсколькихъ зарядовъ, подвязки ихъ, возки за собою; и это сбавить сильно скорость. Показъ взрыва (причемъ могло бы понадобиться сверленіе камеры) займетъ часа два или больше: выйдетъ, слѣдовательно, уже по крайней мѣрѣ одинъ большой и одинъ малый привалъ на 20-ти верстахъ. Что касается позицій, то онѣ вѣдь нынѣ обстрѣливаются или защищаются цѣлыми часами и даже днями. Какъ же включить эти 3 задачи въ 20-ти верстный пробѣгъ? Изъ за этого вѣдь въ свое время сырборъ загорѣлся! Какую норму дать на выполненіе условія? Изобразить все это ради сохраненія спортивности пробѣга «очень примѣрно» и наскоро, однимъ словомъ, отбыть номеръ, удѣляя на каждую изъ этихъ задачъ 5—10 минутъ, можно, конечно, но какая же будетъ польза отъ этого въ смыслѣ выучки солдата боевому дѣлу? А если уподобить это настоящимъ боевымъ условіямъ и удѣлить на пробѣгъ 20-ти верствъ полсутокъ или больше, гдѣ же останется спортивность? Выйдетъ простой переходъ или маневръ. Вотъ почему я назвалъ это антиспортомъ.

Но главная суть не въ этомъ.

---

²⁾ Я не знаю, приходилось ли автору заставлять нижнихъ чиновъ составлять (не списывать) донесенія на заданную тему, причемъ запрещать сочинять, фантазировать, требовать написанія только того, что видятъ, безъ пропусковъ и прибавокъ. Сколько потребуется большинству времени? Сколько разъ придется переписывать измаранное поправками руководителя донесеніе?

Если бы мой оппонентъ раньше, чѣмъ писать о спортѣ, задалъ себѣ трудъ заглянуть въ послѣднее изданіе энциклопедическаго словаря Брокгауза, то онъ изъ обширнаго текста, объясняющаго это роковое слово «спортъ», и въ сочиненіяхъ, къ которымъ тамъ отсылають читателя, да и изъ другихъ источниковъ, вывелъ бы приблизительно слѣдующее заключеніе:

1) Спортъ требуетъ непременно выдающагося физическаго напряженія или дѣйствія, что-то въ родѣ подвига или стремленія къ этому (а включая въ 20-ти-верстный рейдъ упомянутыя три задачи и давая на это хотя бы только полсутокъ, гдѣ тутъ подвигъ?)

2) Спортъ—это удѣлъ по преимуществу интеллигентныхъ, зажиточныхъ или обеспеченныхъ матеріально классовъ, нуждающихся въ физическихъ упражненіяхъ и увеселеніяхъ, развивающихъ силу и ловкость—наслѣдство прежней барской забавы, потѣхи и рыцарскихъ турнировъ. Мастеровой и чернорабочій не нуждаются въ этомъ, ибо ихъ ежедневный трудъ упражняетъ достаточно мускулы, легкія, сердце и т. п. и даже утомляетъ ихъ. Работа эта не считается, однако, спортомъ, какъ не вмѣщается въ рубрику «спортъ» и подготовка къ докторской диссертациі или къ экзамену, а также канцелярская работа или серьезный научный трудъ.

3) Спортъ вырабатываетъ нравственную дисциплину, приучаетъ къ настойчивости, къ самообладанію, но даетъ исходъ и страстнымъ порывамъ, вырабатывая идеаль джентльмена. («Новое Время» 1911 г., № 12845).

4) Спортъ задается цѣлью воспитанія тѣла и духа, а потому черченіе, писаніе, зубрежъ наизусть нельзя ставить въ графу «спортъ».

5) Спортъ допускаетъ разныя увеселенія, игры, въ томъ числѣ и военныя, напримѣръ, тѣ, что ведутся за границею обществами или командами слѣдопытовъ, но малѣйшій намекъ на служебный характеръ упражненія не допускается: оно должно сохранить всѣ признаки вольной игры. Вѣдь никто не скажетъ, что легковой извозчикъ занимается упряжнымъ спортомъ! Ызда—это его насущный хлѣбъ, служба, какъ у насъ пробѣги, развѣдка, взрываніе мостовъ, ученія, караулы и прочія занятія.

6) Спортъ требуетъ наличія доброй воли, охоты, не признаетъ принужденія, а войсковая часть ѣдетъ по приказанію, хотя бы ей или отдѣльнымъ нижнимъ чинамъ и вовсе не хотѣлось принимать въ рейдъ участія. Профессіоналы не считаются спортсменами: жокей,

служащій на жалованьѣ и ѣдущій по приказанію своего барина, не есть смортсмэнъ. Оттого-то неправъ былъ и тотъ изъ моихъ оппонентовъ, который сочувствовалъ якобы спорту, но не признавалъ «любительскаго», а иного, вѣдь, строго говоря, не существуетъ.

7) Спортъ подраздѣляется на массу видовъ или отдѣловъ, перечислять которые не позволяетъ мѣсто. Въ «подвижномъ» спортѣ проведена, какъ бы красной нитью «идея закала сердца и нервной системы», которыя являются питомникомъ и двигателемъ всѣхъ прочихъ органовъ живого существа (въ нашемъ случаѣ коня и всадника). Даже рыбная ловля на удочку, не причисляемая къ подвижному спорту, и та укрощаетъ или дисциплинируетъ будто бы нервную систему, а продолжительное пребываніе такого спортсмена на открытомъ воздухѣ дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ на легкія, сердце и нервную систему.

Таково опредѣленіе термина «спортъ». Таковымъ онъ былъ, когда нарождался, такимъ онъ есть понынѣ или долженъ во всякомъ случаѣ быть по опредѣленію всего цивилизованнаго міра. Что онъ подчасъ могъ принимать въ новѣйшее время и уродливыя формы, гоняться за наживой и т. п.—это для нашей полемики не играетъ роли. Важно лишь вѣрное толкованіе этого термина.

Писаніе донесеній, черченіе кроки не предъявляетъ особеннаго требованія работъ сердца и нервной системы и потому не подходитъ къ области спорта; взрываніе моста—это скорѣе смѣсь работъ мастерового и чернорабочаго, которыя (работы) не считаются спортомъ. Обстрѣливаніе позиціи въ теченіе 5—10 минутъ—это съ военной точки зрѣнія абсурдъ. Если же изобразить во время 20-ти верстнаго рейда наступленіе на позицію съ провѣркою примѣненія каждаго человѣка къ мѣстности на каждой для стрѣльбы остановкѣ, то куда, повторяю еще разъ, дѣнется спортивность? Выиграетъ, если включить въ пробѣгъ эти 3 задачи (или привалы), врядъ ли, какъ утверждаетъ г. Споре, лучший кавалеристъ, дѣлнѣйшій конь. Наоборотъ, шансы на призъ имѣетъ (такъ какъ по ѣздѣ не требуется ничего выдающагося, а самая обыкновенная работа) и плохая лошадь, и умѣвшій занять лучше позицію или написать лучше донесеніе; выиграетъ, можетъ быть, саперъ, чертежникъ и даже писарь, отчисленный за дурное поведеніе въ эскадронъ, но пишущій четко и скоро. Чѣмъ больше вводитъ дѣйствій, не напрягающихъ сердца, легкихъ, мускуловъ, тѣмъ болѣе состязаніе

теряетъ спортивный характеръ, приближаясь къ простому маневру. Какъ авторъ не хочетъ этого понять! Во время этихъ приваловъ, вводимыхъ въ упражненія для рѣшенія задачъ, ловкіе вахмистры заставляютъ коноводовъ привести въ порядокъ сѣдловку, зачистить лошадей, пожалуй и напоить и накормить ихъ, а потомъ извольте судить о видѣ прибывшей къ цѣли части. Не воспользуется привалами для этой цѣли, очевидно, лишь плохо воспитанная въ кавалерійскомъ духѣ часть или команда.

Въ кавалерійскомъ упражненіи тактическія задачи, конечно, желательны и полезны; въ спортивномъ — нѣтъ, потому что тактика—это серьезная наука, а таковыя въ область спорта не входятъ. Авторъ снова смѣшиваетъ два понятія: кавалерійское упражненіе или состязаніе и спортивное. Все это, значить, скорѣе ученіе, переходъ съ задачами или маневръ, и стремленія къ выдающемуся дѣянію или подвигу не будутъ; сердце и нервная система будутъ праздно: поэтому все это не имѣетъ ничего общаго со спортомъ. Этого мои оппоненты не хотятъ знать, со всѣми этими отѣнками они не считаются, но пусть спорятъ тогда съ Брокгаузомъ и авторами сочиненій, на которыя тамъ ссылаются, а не со мной. Ратуя за всѣ эти яко бы спортивные упражненія, мои оппоненты доказываютъ малое ихъ знакомство со спортомъ, литературою о немъ и назначеніемъ спорта. Антиспортивность ихъ бросается прямо въ глаза.

Что же касается заявленія автора о томъ, что на конкурсахъ допускается рѣшеніе арифметическихъ задачъ или вдѣваніе нитки въ иголку, то вѣдь это «джимкана», увеселеніе, простая забава, дамская и дѣтская игра, и врядъ ли кто нибудь считаетъ это серьезнымъ спортивнымъ упражненіемъ.

Итакъ, кончаю мой разборъ статьи «Кавалерія и спортъ», гдѣ г. Споре на послѣдней страницѣ говоритъ, что изъ моихъ статей вытекаетъ, что «вліяніе, которое спортъ и спортсмены имѣли на кавалерійское дѣло, равняется нулю или было даже отрицательнымъ».

Это авторъ заключилъ, будто бы, изъ моихъ же статей. О, Боже мой! Навѣрное, у него опять не было, когда онъ писалъ конецъ своей замѣтки, № 113 «Рус. Инв.» прошлаго года, ибо тамъ, начиная съ 15-й строчки моей статьи, читаемъ ясно слѣдующее:

«Спортсмены, повторяю и тутъ, вносятъ въ строевое дѣло *вмѣстѣ съ массою хорошаго* («массу хорошаго» прошу констатировать) нерѣдко и кое-что непригодное, но, если свести итоги

спорта, то прибыль его значительно превзойдетъ убыль, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній (прошу замѣтить и это). Заслуга спорта въ томъ, что мы не отстали отъ общаго военнаго и «конно-мирскаго» прогресса (опять обращаюсь съ просьбой отмѣтить заслуги спорта). Скачки способствовали не только поднятію кровности ремонтной лошади, но повліяли на измѣненіе строевыхъ уставовъ и наставленій, освѣжили аллюры, укрѣпили посадку, бывшую прежде исключительно манежной (и это вѣдь, думаю, характерно), подняли работоспособность строевого коня, введя нѣкоторый тренингъ, съ которымъ наши предки не были знакомы (кажется, тоже плюсъ). Спортъ произвелъ переворотъ въ способѣ прыганія..... и т. д.».

Не буду продолжать, ибо пришлось бы повторять все знакомое читателямъ «Русскаго Инвалида». Я привелъ одно мѣсто одной изъ моихъ многочисленныхъ на эту тему статей, но и этого, полагаю, достаточно.

И мой оппонентъ вычиталъ въ этихъ моихъ «цитатахъ», что влияніе на кавалерійское дѣло спорта «равняется нулю» и даже, что оно «ниже нуля», отрицательное!

Мнѣ кажется, что это ясно свидѣтельствуетъ о вниманіи, съ которымъ авторъ слѣдитъ за кавалерійской литературой. Если бы онъ приводилъ свое личное мнѣніе — ну, другое дѣло, но вывести заключеніе изъ приведенныхъ выдержекъ ужъ никоимъ образомъ нельзя. Конечно, я вывожу наружу и отрицательныя стороны спортсменовъ въ моемъ циклѣ статей, стараясь направить всѣхъ на строевой путь (многіе нуждаются въ этомъ). Кто же изъ любящихъ кавалерійское дѣло поставитъ мнѣ это въ упрекъ? Кто же станетъ, переиначивая цѣль и смыслъ моей многолѣтней работы въ этомъ направленіи, выводить изъ этого заключеніе, что спортъ, кромѣ вреда, ничего другого не принесетъ?

Дальнѣйшая полемика бесполезна, ибо мы говоримъ какъ бы на разныхъ языкахъ и никогда не поймемъ другъ друга. Упомяну, что я пропустилъ въ замѣткѣ г. Спорѣ много парадоксовъ, отмѣчая и разбирая лишь самое рельефное.

Кончаетъ г. Спорѣ свою замѣтку тѣмъ, что предлагаетъ читателямъ прочесть его статьи въ «Воен. Сборн.» за май, іюнь и октябрь 1911 г., гдѣ имъ описаны спортивные состязанія въ Швеціи, высказывая при этомъ увѣренность, что если бы я на нихъ побывалъ, то вынесъ бы убѣжденіе объ ихъ чисто спортивномъ характерѣ и громадной пользѣ.

Ничуть въ этомъ не сомнѣваюсь. Въ Швеціи спортъ процвѣтаетъ на славу—это всѣ знаютъ. Дай Богъ, чтобы судьба занесла меня туда когда-нибудь! Пока же и изъ слышаннаго и читаннаго объ этой спортивной націи я составилъ себѣ мнѣніе, которое не расходится со взглядомъ моего оппонента. Хотя разъ сошлись—въ добрый часъ!

Въ свою очередь скажу, что если бы г. Споры побывалъ въ какихъ-нибудь десяти мѣстахъ Россіи, гдѣ держать парфорсныя стаи и поохотился съ ними, съѣздилъ на охоты въ Ганноверъ, Римъ и въ Англию, побывалъ въ Вѣнѣ, Сомюрѣ, Пинеролѣ и Торьди Квинто, то онъ смотрѣлъ бы на спортъ правильнѣе, отличался большею «спортивотерпимостью», а въ его трудѣ не было бы такъ много ошибокъ, анахронизмовъ и разныхъ недомолвокъ.

Н. Вольфъ.

